

ОРДЕНОНОСЦЫ.

Макаренко и Чуковский

К 80-летию со дня кончины А.С. Макаренко

Александр Алексеевич Абарин,
член Национального союза журналистов Украины,
член правления Международной Макаренковской ассоциации, Киев

Воспоминания о Макаренко его современников представляют большую информационную ценность: таким образом мы больше узнаём о характере писателя-педагога, его привычках, его окружении, событиях, ставших затем главой его повести или примером для педагогической статьи. В этой связи автору представляется необходимым впервые рассказать читателям о нескольких встречах А.С. Макаренко и К.И. Чуковского.

• Макаренко • Чуковский • педагог • орден

И. Корней Иванович Чуковский (1882–1969) — замечательный поэт, прозаик, переводчик, литературовед и журналист, родился в Санкт-Петербурге, а своё детство провёл в Николаеве и Одессе. Как публицист и литературный критик, он стал известен ещё в дореволюционной России; тогда же он впервые проявил себя как детский писатель: в 1916 году Чуковский сочинил сказку «Крокодил», принёсшую ему известность.

После революции выходят его знаменитые сказки в стихах «Мойдодыр», «Тараканище», «Бармалей». Эти произведения и сегодня популярны, их переиздают большими тиражами.

В те времена, однако, посчитали, что не все сказки отвечали задачам советской педагогики: 1 февраля 1928 года орган ВКП (б) газета «Правда» опубликовал статью замнаркома просвещения РСФСР

Н.К. Крупской «О „Крокодиле“ Чуковского»:

«Такая болтовня — неуважение к ребёнку. Сначала его манят пряником — весёлыми, невинными рифмами и комичными образами, а попутно дают глотать какую-то муть, которая не пройдёт бесследно для него. Я думаю, „Крокодила“ ребятам нашим давать не надо...», писала Крупская¹.

С подачи преданных партии критиков и редакторов был даже придуман термин «чуковщина»; писателя заставляют отречься от старых сказок. Подействовало! В декабре 1929 года в «Литературной газете» он опубликует письмо о собственных ошибках и заявляет о намерении изменить направление своего творчества — написать сборник стихов «Весёлая колхозия».

Вот такой поворот — правда, про колхоз поэт так и не написал...

¹ Крупская Н.К. «О „Крокодиле“ Чуковского». — «Правда», 1 февраля 1928 г.

II. Антон Семёнович Макаренко (1888–1939), если верить настольной книге каждого советского учителя², нигде ни единым словом не упоминает о Чуковском. Однако это вовсе не означает, что педагог-писатель ничего не знал об авторе «Крокодила» или что они никогда не встречались. Причиной таких «пробелов» в биографии (и не только в случае с Чуковским) является скрупулёзная чистка сочинений, писем, даже записных книжек Макаренко: после его кончины «комиссия по литературному наследию» в лице супруги Антона Семёновича, Галины Стахиевны, собственноручно цензурировала архив. Только она определяла ценность статей, уничтожала заметки и ремарки Макаренко, письма друзей и его письма к ним; они, как ей казалось, навредят мужу и после смерти!

Скорее всего, Чуковский также был для неё нежелательным персонажем при сооружении величественного памятника рано умершему Антону Семёновичу: помимо упомянутой выше негативной оценки сказочника 1 марта 1944 года в газете «Правда» вышла статья П. Юдина «Пошлая и вредная стряпня К. Чуковского». В ней писателя представляют как «сознательно опошляющего великие задачи воспитания детей в духе социалистического патриотизма». В 1960-е годы К. Чуковский задумал пересказ Библии для детей! В те времена школа была реально отделена от церкви, а тут такое!

Это, наверное, и стало главной причиной в устранении вдовой имени Чуковского из списка друзей А.С. Макаренко, его нет даже в «Сводном указателе имён», помещённом редколлекцией в 8-м томе упомянутых сочинений!

Или вот такой пример... Антон Семёнович и Чуковский вместе отдыхали в санатории Комитета содействия учёным им. Горького в Кисловодске. Корней Иванович ссылается на это в своей статье о А.С. Макаренко, описывает их беседы о русских писателях и даже упоминает о некоем письме Антона Семёновича к жене от 5 ноября 1938 года, в котором тот описывает эти встречи.

² Макаренко А.С. Педагогические сочинения в восьми томах. — М.: Педагогика, 1986. — Т. 8.

Однако после приведения архива писателя-педагога «в порядок» «комиссией» в изданных после его смерти работах этих фактов нет!

III. Напомню, что Макаренко, так же как и Чуковский, тоже стал объектом критики Н.К. Крупской: та резко раскритиковала его на VIII съезде комсомола в мае 1928 года, обвинив в отступлении от партийных постановлений, внедрении самоуправления, назвала систему Макаренко «идеологически вредной», переквалифицировала дисциплину в колонии в «жестокость и рукоприкладство». Только восторженные оценки А.М. Горького, посетившего Куряжскую колонию летом того же года, позволили конфликту утихнуть.

Всё это не могло не отразиться на здоровье педагога-писателя. Именно тогда он впервые переносит приступы «грудной жабы» (как тогда называли стенокардию), которые с годами и неослабным режимом макаренковского трудового дня становились всё более нестерпимыми. Лечивший его терапевт сообщает: «Видно, много было у него передраг. Ему нужен полнейший покой. А он варварски тербит своё сердце. Не лечит его, а калечит. Работает с рассвета до вечера».

Однако к лечению педагог смог приступить только в Киеве, вырвавшись туда из колонийских стен.

IV. Как известно, Макаренко в свои 47 лет был направлен в распоряжение НКВД УССР, получил должность помощника начальника трудколони, две серебряные звёздочки в петлицы, пистолет ТТ и 3-комнатную квартиру в новом доме НКВД в самом центре города, на улице Леонтовича, 6А³. Однако события на службе заставили его уже через год, 14 июля 1936 года, подать рапорт об увольнении со службы в НКВД: он страшно загружен в Отделе трудколони, это не даёт ему возможность закончить окончательную редакцию

«Педагогической поэмы» для полноценного издания, написать и отправить к сроку новые статьи, обещанные московским журналам: «есть некоторые осложнения, которые отнимают и день и вечер, а иногда и ночь». Наверстать отставание было решено в загородных условиях.

Киев и его сосновые пригороды — Ирпень, Буча, Ворзель издавна слыли курортами для сердечников. Сюда приезжали на лечение и отдых москвичи и ленинградцы. «Река Ирпень изобилует живописными уголками и удобными местами для охоты и рыбной ловли. Для купанья также очень хороша; на берегу устроены купальни, можно устраивать прогулки на лодках в соседние селения», — писали киевские газеты тех лет.

Борис Пастернак, лучший поэт Советского Союза (по оценке Н. Бухарина) и будущий сосед А.С. Макаренко по Лаврушинскому переулку, писал своей сестре в 30-х годах прошлого века из Ирпеня: «Новые знакомые сманили нас на это лето под Киев и сняли нам дачу там... всеобщее мнение, что с продовольствием на Украине всё же будет лучше, чем на севере». Где-то рядом находилась и дача, как его называли местные, «Сэмэновыча».

Там, в Ирпене, дачник Корней Иванович и нашёл дачника Антона Семёновича!

V. Вот так встреча!

«...на пороге с кукурузным початком в руке появился «Сэмэнович», и я сразу признал в нём Макаренко», — вспоминает Чуковский. Антон Семёнович «был действительно очень похож на комиссара эпохи гражданской войны: немногословный, строгий, уверенный в себе человек, без лишних жестов и суетливых улыбок. Приветствуя меня с самым сердечным радушием, он не потерял в то же время своей сановитой степенности. В эту первую минуту нашей встречи мне почудилось в нём что-то непреклонное, несокрушимое, властное...»⁴

³ Абаринов А., Хиллиг Г. Испытание властью. Киевский период жизни Макаренко. 1935–1937. — Марбург, 2000.

Дача, которую помначотдела снял на сезон, была заполнена до краёв: Макаренко отдыхал в Ирпене с семьёй — жена, её сын Лев Салько, дочь младшего брата-эмигранта Олимпиада (она находилась у Макаренко на воспитании). Поскольку к тому времени у них были две домработницы, в обязанности которых в городе входили покупки на базаре, кухня и уборка помещения, одну взяли на дачу. Кроме того, Макаренко 2 июня 1936 информирует Льва Салько, что его «московская редактриса», член ВКП(б) с апреля 1917 года Рахиль Ковнатор, привезёт в Ирпень на всё лето свою дочку, восьмиклассницу Зою, и просит, с дальним прицелом, о внимании и заботе к дочери влиятельной москвички.

И это не всё! Помимо всего, нагрянувший с визитом Корней Иванович обнаружил на даче у Макаренко нескольких элегантных молодых людей с барышнями, которые в отсутствие патрона занимали его некоторое время беседой, как он пишет — «словно в светской гостиной».

Чуковский был очарован.

VI. Напомню, что Чуковский ещё в 1903 году поехал в Лондон за счёт редакции «Одесских новостей» как корреспондент. Ему было 20, он основательно ознакомился с английской литературой — прочитал в оригинале Диккенса, Теккерея. Изучив язык, в 1907 году Чуковский опубликовал переводы неизвестного в России американского поэта Уолта Уитмена; они стали популярными, что увеличило известность Чуковского в литературной среде.

Но вернёмся в Ирпень...

Манеры и прежде всего обходительность молодых людей, которые встретились ему у Макаренко, напомнили Чуковскому оксфордских студентов, и он сообщил об этом Антону Семёновичу.

⁴ Чуковский К.И. Собрание сочинений в 15 томах. — М.: Терра-Книжный клуб, 2001 г. — Т. 5.

«Правильно, — соглашается он (Макаренко. — *Прим. автора*), и в голосе его слышится украинский юмор. Вон тот кучерявый — талантливейший вор-чемоданщик со станции Лозовая, под Харьковом. Уж на что знаменитые воры работали всегда на Лозовой, а он был самый среди них знаменитый. А тот, в белых брюках, — всего лишь карманник, но тоже очень высокого класса». Он говорит это как самую обыкновенную вещь, словно и не подозревая, что она может вызвать во мне удивление.

Затем выдерживает долгую паузу и спокойно добавляет в том же тоне:

«А сейчас вон тот — медицинский работник. Неплохой из него выйдет хирург. А этот, в белых брюках, — уж будьте покойны: придёт время, вы встанете в очередь, чтоб добыть на его концерты билеты».

Оба они питомцы Антона Семёновича. Должно быть, приехали его навестить, потому что он уже несколько лет как отошёл от своих трудколоний. Их обоих он некогда спас от уголовной карьеры».

VII. Вот эта подмеченная Чуковским ребячья «деликатность, привитая им Антоном Семёновичем: было ясно, что он требовал от них не только трудовой дисциплины, но и тонкой, задушевной учтивости», проявилась однажды далеко не в бравурном эпизоде...

Корней Иванович вспоминал, как на одном заседании потерял сознание (как говорится, «сомлел») и очнулся лишь через час или два в киевской гостинице «Континенталь» у себя в номере.

«Я лежал в постели, и первый, кого я увидел, был нахмуренный и молчаливый Макаренко. Оказывается, он присутствовал на том же заседании Союза и, заметив, что мне стало дурно, отвёз меня в гостиницу и вот уже столько времени сидит у моего одра как сиделка», — писал Чуковский.

Они нашли общую для себя тему — Горький! Чуковский писал о нём, да и для Макаренко Горький — «воплощение всего благородного, что только есть на земле».

Узнав, что я тоже встречался с Алексеем Максимовичем, он начинает настойчиво требовать самых подробных рассказов о нём», — вспоминает Чуковский.

Благодарный Корней Иванович отмечает, что Макаренко «отдал немало часов самому деятельному уходу за мною. Его питомцы, бывшие коммунары Ключник, Салько, Терентюк, тоже приняли участие во мне и вместе с семьёй моего друга, поэта Льва Квитко, поставили меня на ноги в несколько дней».

VIII. Макаренко и Чуковский стали если не друзьями, то хорошими приятелями, и искренне обрадовались встрече в Кисловодске, куда не стовариваясь приехали в ноябре 1938 года.

Восхождение на знаменитую Крестовую гору отнимало у них больше часа; Макаренко был плох. По пути они делали привал на скамье у самого крутого подъёма. «Отдых на этой скамье сам собою располагал к разговорам. Мы говорили о литературе, о Горьком, о Фадееве, об Алексее Толстом и с упоением читали друг другу стихи. Оказалось, что Антон Семёнович — это было для меня неожиданностью — хорошо знает и любит поэзию, увлекается Тютчевым, может без конца декламировать Пушкина, Шевченко, Крылова, а также Багрицкого, Тихонова».

Чуковский отмечает, что Макаренко не любил тех стихов, которые до слёз восхищали собеседника; того, в свою очередь, не возбуждали многие из любимых Макаренко книг. «Но нас объединяла любовь к «пацанам» (так именовал Антон Семёнович детей), и из-за неё мы охотно забывали о своих разногласиях. Советские дети, их душевная жизнь, их будущее — об этом Антон Семёнович мог говорить до утра, ибо и после того, как он стал профессиональным писателем, в нём не умер педагог».

Чуковский, как нам известно, трепетно относился к высказываниям малышей, собрал эти перлы в знаменитой своей книге

«От двух до пяти». Макаренко — там же, в Кисловодске, обязал его в следующем издании книжки возможно сильней подчеркнуть её воспитательные задачи и цели. Чуковский не согласился: «Никому не советую думать, будто здесь педагогика. Я не педагог, я писатель...»

«Вздор! — возмущался Макаренко. Во-первых, всякий писатель всегда педагог, а во-вторых, ведь вся ваша книга — хотите вы этого или не хотите — посвящена воспитанию детей. Пожалуйста, не притворяйтесь сторонним наблюдателем... У вас вся педагогика почему-то под спудом, в подтексте, вы словно конфузитесь, что вы педагог, — говорил он укоризненным голосом и настаивал, чтобы, излагая свои наблюдения над психикой малых детей, я выводил из этих своих наблюдений педагогические «надо» и «нельзя».

Чуковский замкнулся. Писатели, дыша огнём, разошлись по палатам.

* * *

«Я возражал ему, но когда лет через пятнадцать моя книжка была наконец разрешена для нового издания, я вспомнил укоризненный голос Антона Семёновича и всюду, где было возможно, попытался обнажить её педагогический смысл».

В одном только 1958 году книга Чуковского «От двух до пяти» вышла тиражом

400 000 экземпляров и мгновенно разошлась вся без остатка...

Вместо послесловия

Через полгода после той встречи, 1 апреля 1939 года, Антон Семёнович Макаренко скончался от сердечного приступа.

Макаренко и Чуковский награждены за свой писательский труд одним Указом Президиума Верховного Совета СССР — от 31 января 1939 г. Будущий полный кавалер Корней Чуковский тогда получил свой первый орден Трудового Красного Знамени. Для А.С. Макаренко этот орден тоже стал первым — и последним...

И ещё об одном...

Корней Иванович уже в годы войны, в мае 1943 года, обратился с таким письмом к Сталину:

«Для управления трудколониями должно быть создано особое ведомство, нечто вроде Наркомата безнадзорных детей. В качестве педагогов должны быть привлечены лучшие мастера этого дела, в том числе бывшие воспитанники колонии Макаренко».

Получается, запомнил Чуковский встречи и беседы! **НО**

Order Bearer. Makarenko And Chukovsky To the 80th anniversary of the death of A. S. Makarenko

Alexander A. Abarinov, member of the National Union of journalists of Ukraine, member of the Board of the international Makarenkov Association, Kyiv

Abstract. Memories of Makarenko of his contemporaries represent a great informational value: thus we learn more about the character of the writer-teacher, his habits, his environment, events, which then became the head of his story or an example for a pedagogical article. In this regard, the author seems necessary for the first time to tell readers about several meetings of A.S. Makarenko and K. I. Chukovsky.

Keywords: Makarenko, Chukovsky, teacher, order.

Ispol'zovannyye istochniki:

1. Krupskaya N.K. «О „Krokodile“ Chukovskogo». — «Pravda», 1 fevralya 1928 g.
2. Makarenko A.S. Pedagogicheskie sochineniya v vos'mi tomah. — M.: Pedagogika, 1986. — T. 8.
3. Abarinov A., Hillig G. Ispytanie vlast'yu. Kievskij period zhizni Makarenko. 1935–1937. — Marburg, 2000.
4. Chukovskij K.I. Sobranie sochinenij v 15 tomah. — M.: Terra-Knizhnyj klub, 2001 g. — T. 5.